

УДК 316.273:81'37

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ

Ольга Балясникова
(Москва, Россия),
Александр Нистратов
(Москва, Россия),
Екатерина Ощепкова
(Москва, Россия),
Леся Ставицкая
(Киев, Украина),
Евгений Тарасов
(Москва, Россия),
Нагалья Уфимцева
(Москва, Россия)

У статті досліджується картина світу представників двох етносів: російського і українського (місто Луганськ), що включає не тільки когнітивні, але й аксіологічні компоненти. Метод кластер-аналізу дозволив виявити стереотипи буденної свідомості, пов'язані з образом представників різних національностей і мають семантичну форму, що зафіксована в семантичному експерименті.

Ключові слова: психосемантичний метод, семантичний диференціал, група цінностей, національні стереотипи.

В статье исследуется картина мира представителей двух этносов: русского и украинского (город Луганск), включающая не только когнитивные, но и аксиологические компоненты. Метод кластер-анализа позволил обнаружить стереотипы житейского сознания, связанные с образом представителей разных национальностей и имеющие семантическую форму, которая зафиксирована в семантическом эксперименте.

Ключевые слова: психосемантический метод, семантический дифференциал, группа ценностей, национальные стереотипы.

This article deals with the picture of a world of the members of two nations: Russians and Ukrainians (Luhans'k) and includes not only cognitive but also axiological components. Method of cluster analysis gave an opportunity to define the stereotypes of everyday consciousness connected with representatives of different nationalities and have the same semantic form fixed in semantic experiment.

Key words: psychosemantic method, semantic differential, group of values, national stereotypes.

Актуальность исследования и постановка проблемы. В данной работе исследуется картина мира представителей двух этносов: русского и украинского (город Луганск) и включает не только когнитивные, но и аксиологические компоненты. Предполагается, что стереотипы обыденного сознания, связанные с образом представителей различных национальностей одной из форм выражения имеют семантическую форму и могут быть зафиксированы в семантическом эксперименте. Можно сказать, что семантические оценки суть оценки эмоций, возникших в процессе контактов с объектом или оценки тех же эмоций при освоении общественного опыта. Иначе, природа семантического оценивания лежит в идентификации воспринимаемого объекта или ситуации со следом эмоционального состояния [Лакофф 1988; Миллер 1963; Осгуд и др. 1972; Петренко, Нистратов 1979; Петренко 1997, Серкин 2004; Симат 1972; Уорф 1960].

Психосемантические методы исследования дают материал для анализа обыденного сознания, т.е. выявляют глубинные критерии оценки исследуемых объектов. Метод семантический дифференциал (СД), представляет собой комбинацию процедур шкалирования и метода контролируемых ассоциаций.

Использование психосемантического метода исследования позволяет выявить устойчивые представления респондентов об исследуемых объектах. Речь идет о таких представлениях, которые нелегко поддаются быстрому изменению, поскольку сформировались главным образом на основе устоявшихся стереотипов, мифов.

Изложение основного материала. Построение семантического пространства является переходом от большей размерности (признаков, заданных шкалами) к базису меньшей размерности (категориям-факторам).

При геометрическом представлении семантического пространства категории-факторы выступают координатными осями некоего пространства, а значения объектов задаются как координатные точки внутри этого пространства.

Процедура психосемантического исследования заключается в следующем. Респондентам предлагается оценить определенный набор объектов по заданным качествам по градуированной шкале. Полученные таким образом протоколы собираются в общегрупповую матрицу данных, которая затем обрабатывается методом факторного анализа.

Для исследования восприятия национальных стереотипов в аксиологическом пространстве был разработан специализированный семантический дифференциал (СД). В качестве шкал-дескрипторов использовался набор основных человеческих ценностей. Список ценностей определялся в результате предварительного эксперимента.

На втором этапе респондентам предъявляются объекты и шкалы для их оценки. Каждый объект должен быть оценен по всем шкалам.

Процедура основного семантического эксперимента состояла в соотношении респондентами национальных стереотипов с ценностями (в качестве шкал-дескрипторов), которые наиболее характерны для данных представителей различных национальностей.

В эксперименте в Луганске приняло участие 106 респондентов в возрасте 17–27 лет примерно в равном соотношении мужчин и женщин. Полученная суммарная матрица обрабатывалась методом факторного анализа с последующим вращением факторов до простой структуры. В результате

обработки данных было выделено шесть факторов – категорий и построены аксиологические семантические пространства восприятия национальных стереотипов (представлены на графиках). Факторы приводятся в порядке убывания вклада в общую дисперсию: 1. материальное процветание; 2. основные человеческие ценности; 3. демократия, конформизм; 4. гражданские ценности; 5. свобода, справедливость; 6. традиционность.

Материальное процветание – этот критерий связан с такими ценностями как *наука, процветание, богатство, достаток, прогресс, безопасность*. Данная группа ценностей состоит из качеств и явлений, которые способствуют процветанию или являются результатом процветания: наука – без развития которой и внедрения научных достижений в практическую жизнь трудно представить материальное процветание; прогресс – направление развития, характеризующееся переходом от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному; богатство – обилие материальных ценностей; безопасность – возможность свободно создавать материальные ценности и пользоваться ими.

Основные человеческие ценности – в данный фактор вошли такие ценности как *семья, любовь, образование, независимость, здоровье*. По мнению луганских респондентов в этой категории объединились ценности, которые всегда считались необходимым условием и благом для человеческого существования.

Демократия, конформизм – *демократия, удовольствие, конформизм, успех*. В данной категории объединились ценности, демократия – признание равенства и свободы граждан; конформизм (принятие существующего порядка вещей) здесь видимо предполагается возможность избежать неприятного противостояния обстоятельствам жизни.

Гражданские ценности – *творчество, труд, национальный патриотизм, практичность, родина*.

Свобода, справедливость – этот фактор составляет *свобода, свобода личности, комфорт, эффективность, правосудие, справедливость*. Свобода – способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями; свобода личности – комфорт – бытовые удобства; эффективность – иначе действенность.

Традиционность – эта категория состоит из таких ценностей как *долг, религиозность, равенство, власть*. Можно сказать, что эти ценности являются необходимым условием жизнедеятельности общества. Религия, семья выступают носителями духовных, культурных и социальных традиций, передающихся от поколения к поколению и сохраняющихся в течение длительного времени. Национальный патриотизм в виде привязанности к родной земле (родине), языку, традициям является неотъемлемой составной частью этой категории.

Основные семантические пространства представлены на графиках.

На рис. 1 представлено расположение национальных стереотипов в пространстве “материальное процветание” / “основные человеческие ценности”. Как видно из рисунка луганские респонденты считают, что ценности (*наука, процветание, богатство, достаток, прогресс, безопасность*) больше всего ассоциируются и наиболее значимы для японцев – в скобках даны наиболее значимые ценности (*наука, достаток, прогресс, процветание*) и канадцев (*достаток, богатство, процветание*), в меньшей степени для китайцев (для

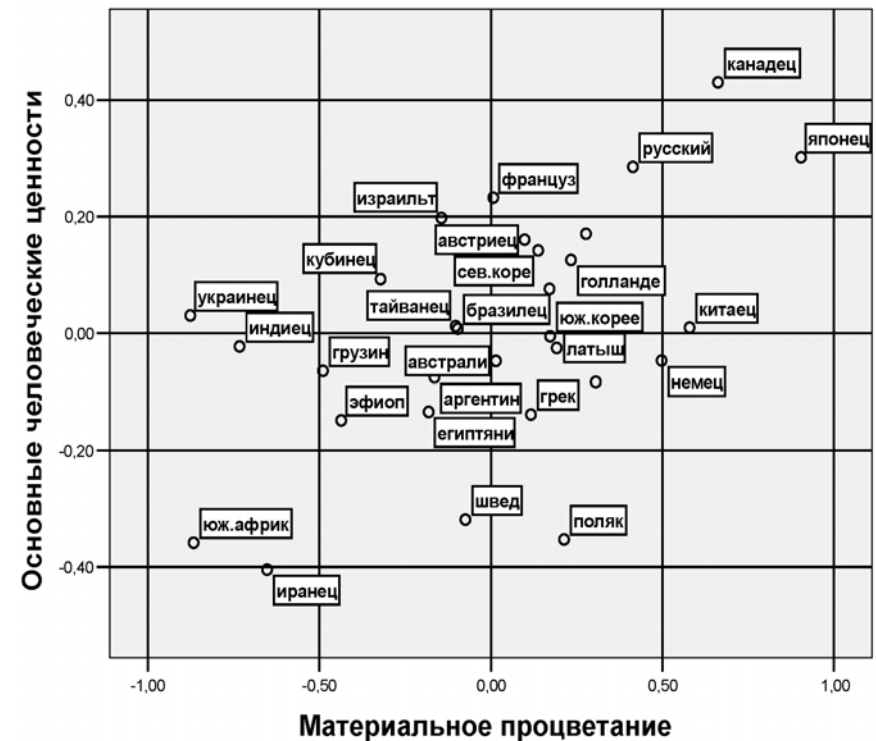

Рис. 1. Размещение национальных стереотипов по критериям:

- Материальное процветание;
- Основные человеческие ценности.

китайцев наиболее значимы такие ценности как *прогресс, образование, семья, успех, процветание, национальный патриотизм, власть, здоровье* и относительно мало значимы *демократия, равенство*), немцев (*процветание, достаток, богатство, прогресс*), русских (*процветание, достаток*). На другом полюсе расположены национальные стереотипы, для которых по мнению респондентов, эти ценности наименее значимы и с которыми эти ценности меньше всего ассоциируются. Это прежде всего украинцы, представители Южной Африки, а также эфиопы, иранцы индийцы, грузины. Меньше всего по мнению украинских респондентов украинцы и ассоциируются с *достатком, прогрессом, богатством, процветанием, демократией, властью, долгом, справедливостью*. Как видно из рис. 1, ценности в категории “основные человеческие ценности” (*семья, любовь, образование, независимость, здоровье*) наиболее значимы для канадцев (*любовь, здоровье, семья*) и японцев (*семья, образование, любовь, независимость, здоровье*), несколько меньше для русских (*образование, независимость, семья*) и французов (*любовь*). На другом полюсе этой категории расположены иранцы, южноафриканцы, поляки, шведы. По мнению респондентов из Луганска, эта группа мало ассоциируется с

перечисленными ценностями. Так шведы меньше всех ассоциируются с такой ценностью, как *любовь*, а южноафриканцы и иранцы с *образованием*. Индийцы и украинцы, занимающие в целом по этой категории нейтральную позицию мало ассоциируются с *образованием и здоровьем*.

На рис.2 представлено размещение национальных стереотипов в пространстве категорий “ демократия, конформизм” / “гражданские ценности”. Как видно на рисунке, больше всего, по мнению украинских респондентов, с такими ценностями, как *демократия, удовольствие, конформизм, успех* ассоциируются канадцы (*успех, удовольствие*), латыши и голландцы, хотя по ценностям этой категории с ними нет сильных ассоциаций. Для русских по мнению украинских респондентов наиболее значимы *успех и удовольствие*. На другом полюсе этой категории египтяне, иранцы, украинцы, греки, индийцы. Эти национальные стереотипы меньше всего ассоциируются с *демократией, удовольствием, конформизмом, успехом*. Надо отметить, что меньше всех ассоциируются с *демократией* украинец, иранец, египтянин, южноафриканец, это не удивительно, но и швед, американец и поляк, что удивляет. По категории “гражданские ценности” (*творчество, труд, национальный патриотизм, практичность, родина*) наибольшие значения имеют японцы (с большим отрывом), затем русский (*творчество, труд*) и дальше тайванец (*труд,*

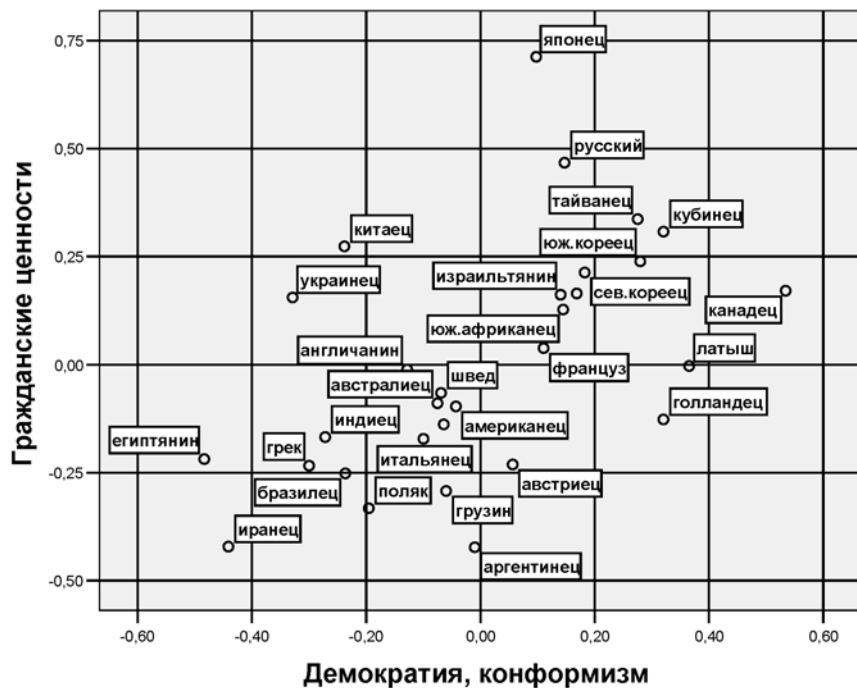

Рис. 2. Размещение национальных стереотипов по критериям:

- Основные гражданские ценности;
- Свобода, демократия.

творчество), кубинец (*национальный патриотизм*), китаец. На другом полюсе этой категории видим аргентинец, иранец, поляк, грузин.

Рис. 3 показывает положение национальных стереотипов в категориальном пространстве “свобода, справедливость” / “традиционность”. Как видно из рис. 3 больше всего с этой категорией (*свобода личности, свобода, комфорт, эффективность, правосудие, справедливость*) ассоциируются японцы, голландцы, тайванцы (*свобода, справедливость*), северокорейцы (*свобода, справедливость*), латыши и канадцы (*свобода, справедливость, комфорт*). На другом полюсе этой категории индийцы, иранцы, поляки и немного нейтральнее грузины, американцы, китайцы. Русские и украинцы в этой категории занимают совершенно нейтральную позицию. Что касается “традиционности” (*долг,*

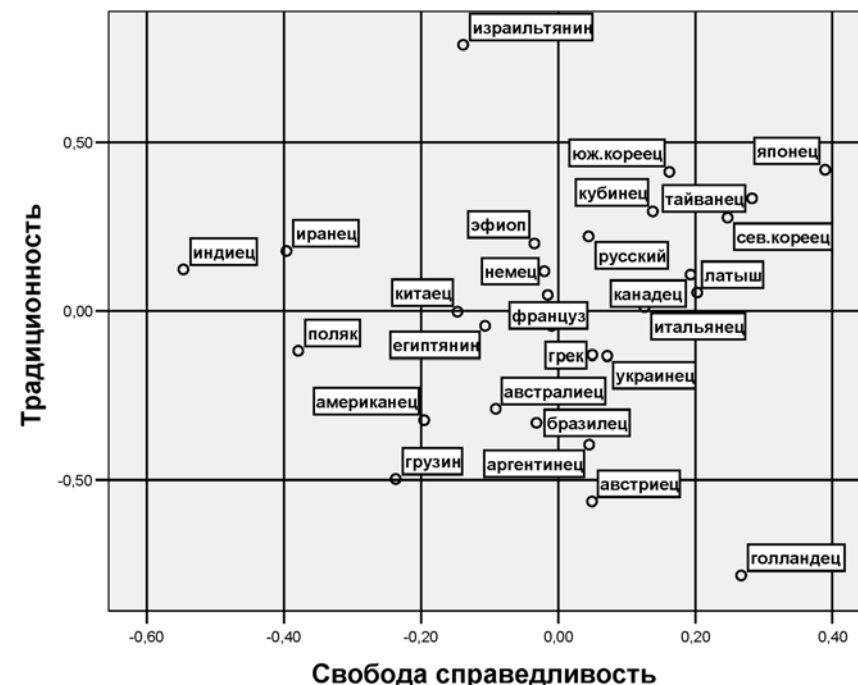

Рис. 3. Размещение национальных стереотипов по критериям:

- Свобода, справедливость;
- Традиционность.

религиозность, равенство, власть), то здесь согласно мнению респондентов более всего разделяют эти ценности израильтяне, японцы, южнокорейцы, а для голландцев, австрийцев, грузин, аргентинцев эти ценности не являются столь важными – они расположены на другом полюсе этой категории. Что касается отдельных ценностей, то *религиозность* наиболее значима для израильтян и несколько меньше для индийцев и малозначима для голландцев, австрийцев, австралийцев, латышей; *долг* – значим для японцев, несколько меньше для южнокорейцев, израильтян и малозначим для украинцев, грузин, голландцев;

равенство – наиболее значимо для японцев, русских, кубинцев, французов, корейцев и мало значимо для грузин и иранцев; *власть* – больше всего ассоциируется с канадцами, русскими, японцами, китайцами, немцами и меньше всего с южноафриканцами, грузинами, эфиопами, украинцами и иранцами.

В России эксперимент проводился по той же методике, что и на Украине (Луганск). Респонденты в возрасте 18-24 года, студенты. В качестве шкал-дескрипторов предъявлялся тот же список ценностей. В результате обработки данных шкалирования выделено шесть факторов-категорий и построены аксиологические семантические пространства восприятия национальных стереотипов. Список факторов-категорий приводится ниже. Факторы приведены в порядке убывания вклада в общую дисперсию: 1. свобода, гедонизм; 2. материальное процветание; 3. традиционность; 4. гражданские ценности; 5. романтические ценности; 6. успех.

Несмотря на совпадающую во многом категоризацию ценностей российских и Луганских респондентов есть и различия как в порядке следования факторов, так и их содержания.

Свобода, гедонизм – в эту категорию вошли такие шкалы, как *свобода личности, демократия, комфорт, удовольствие, независимость, достаток, свобода*. В этом критерии у российских респондентов соединились ценности потребления (*комфорт, удовольствие, достаток*) с ценностями свободного общества. У луганских респондентов нет такой категории, но есть категория, в которой ценности свободного общества объединились с такими ценностями как *эффективность, правосудие, справедливость* – это “свобода, справедливость”. В этом факторе общие дескрипторы с луганскими респондентами *свобода личности, свобода, комфорт*. Кроме того, эта категория у русских занимает первое место среди факторов, а у луганских пятое. Возможно, эти ценности представляются более важными российским респондентам.

Материальное процветание – эта категория содержит такие ценности как *практичность, эффективность, конформизм, процветание, наука, богатство, правосудие*. Интересно отметить, что в эту категорию у русских в отличие от украинцев не входят такие ценности как *достаток, прогресс, безопасность*, но зато есть *конформизм и эффективность, правосудие*, которые у украинцев в категориях “Свобода, справедливость” и “Демократия, конформизм”. Кроме этих отличий, надо сказать, что у жителей Луганска “Материальное процветание” располагается на первом месте.

Традиционность – в данную категорию вошли ценности: *религиозность, родина, долг, национальный патриотизм, семья, равенство*. Эта категория отличается от аналогичной у луганских респондентов – у русских добавились *родина, семья, национальный патриотизм*, но не включается *власть*. Видимо это характерно для общинной русской ментальности.

Гражданские ценности – для российских респондентов это *здоровье, безопасность, образование, труд, власть*. Этот фактор у русских отличается от категоризации у украинцев. У русских эта категория имеет более общественный характер, украинцы в этой категории объединили такие ценности как *родина, практичность, национальный патриотизм*.

Романтические ценности – это *любовь, творчество, справедливость*. Такой категории нет у респондентов из Луганска. Ценности объединенные в этом факторе у украинцев разошлись по разным факторам.

Успех – в этом факторе объединились *успех и прогресс*. У украинцев эти ценности в категории “материальное процветание”, “демократия, конформизм” и видимо предполагаются необходимыми для процветания и демократии. У русских, видимо, эти две ценности синонимичны и объединены в одну категорию и не связываются с материальным процветанием.

Получилась следующая картина: несмотря на общее сходство категоризации ценностей у респондентов из Луганска и русских, есть некоторые различия.

Так у русских на первом месте фактор “свобода, гедонизм”, а не “материальное процветание” как у украинцев, что более соответствует русскому национальному характеру. Категория “традиционность” занимает третье место у русских и шестое у украинцев, что также скорее всего свойственно русской ментальности. Интересно, что у русских отсутствует категория “демократия, конформизм”, которая есть у украинцев (ценности из этой категории у русских разошлись по разным факторам) и “свобода, справедливость”. Кроме того, в отличие от украинцев у русских ценности *любовь, творчество, справедливость* объединились в одну категорию, которую можно интерпретировать как “романтические ценности”.

Сравнивая рис. 1 и рис. 4, видим, что картина размещения национальных стереотипов в семантическом пространстве русских и украинцев по основным факторам имеет определенные различия. Есть некоторое отличие в размещении в семантическом пространстве американцев и греков, что можно объяснить не полной идентичностью категорий у русских и украинцев.

Сравнивая рис. 2, рис. 3 и рис. 5, на которых изображены близкие семантические пространства, видим некоторые различия в отношении к представителям Европы и американцам. Украинцы считают, что израильтяне, японцы, корейцы больше всех привержены традиционным ценностям, а русские респонденты считают, что традиции более всего чтут китайцы. Однако надо иметь в виду, что имеет место некоторое несовпадение категорий. Кроме того у луганских респондентов заметно особое отношение к канадцам. Можно сказать, что канадцы являются некоторым образцом для украинцев – они ассоциируются с наиболее позитивными и социально одобряемыми ценностями, уступая только иногда японцам, которые в свою очередь выглядят как идеал для луганцев. Достаточно большую часть населения Канады составляют выходцы из Украины, и поэтому украинцы воспринимают украинскую диаспору в Канаде как часть своего этноса, связанную с основным этносом не только родством, но и общими ценностями.

Эмиграция украинцев в Канаду – историческое явление, имеющее более столетнюю историю. По данным Статистики Канады в 2006 г. В Канаде проживало 1,209,085 украиноканадцев, вследствие чего украинцы являются девятой по численности этнической группой в мультикультурной Канаде. Украинцы Канады – составная украинской диаспоры, а сама Канада – третья страна по числу этнических украинцев (после Украины и Российской Федерации).

Хотя большинство украинских иммигрантов в Канаде являются выходцами из западных и центральных регионов Украины, на положительную стереотипизацию Канады в сознании луганских респондентов, безусловно, повлияла **глобальная (!!!)** репутация Канады как высокоразвитой, мирной и свободной от этнических конфликтов страны.

Можно также отметить негативное отношение к американцам, полякам и отчасти немцам, т. е. национальные стереотипы луганцев заметно отличаются

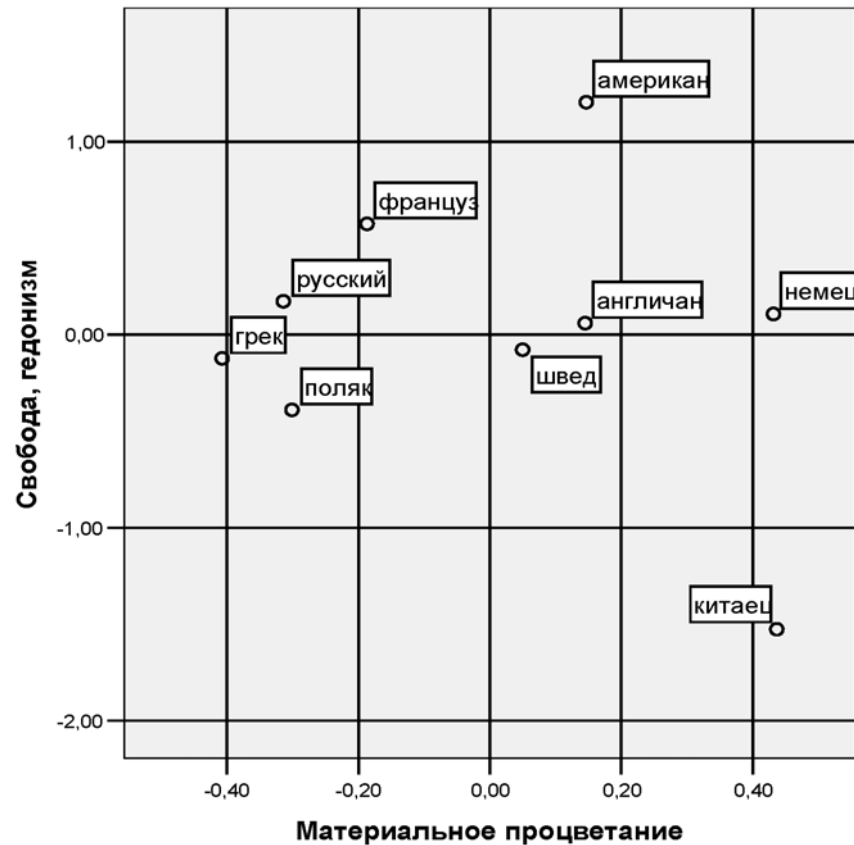

Рис. 4. Размещение национальных стереотипов по критериям:

- Материальное процветание;
- Свобода, гедонизм.

от национальных стереотипов у русских. Негативный стереотип поляка в сознании украинцев обусловлен, во-первых, территориальным пограничьем с Польшей, а, как известно, близкие соседи зачастую оцениваются негативно и, во-вторых, глубокими и серьезными конфликтами между двумя государствами, корнями уходящими в историческое прошлое. Таким образом, столетиями формировавшийся стереотип связан с психологическими механизмами и является частью коллективного бессознательного.

Одним из первых и главных причин формирования в украинцев негативных стереотипов относительно Речи Посполитой (с ней отождествлялась Польша) были войны между этим государством и украинскими казаками. Противостояние Польша – Украина корнями уходит в начало XVIII в., когда сумма социальных конфликтов была умножена на религиозное противостояние, а поляк в сознании украинцев ассоциировался с лютым врагом на поле брани. После

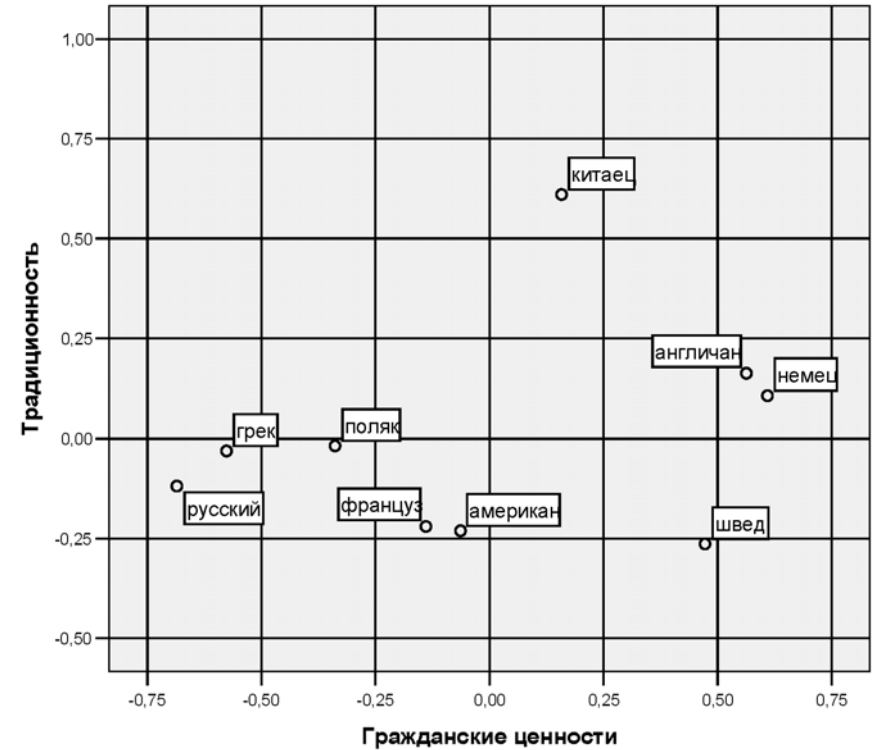

Рис. 5. Размещение национальных стереотипов по критериям:

- Гражданские ценности;
- Традиционность.

окончания украинско-польского противостояния, к середине XVIII в. сформировалось представление о поляках согласно с предписываемым им таким нагивных харктеристик, как неискренность, склонность к предательству и заносчивость. Именно в этот период возникло, по мнению известного украинского историка Н.Яковенко, такое колоритное понятие как “лядский дух”.

Усиление негатива в стереотипах украинцев относительно Польши произошло в XIX в., не без влияния польских восстаний 1830-1831 гг. и 1864 г. Русское правительство, желая отвернуть украинцев от поляков предприняло ряд шагов. В этот период появляются произведения антипольского характера: стихотворение А.С.Пушкина “Клеветникам России”, повесть Н.В.Гоголя “Тарас Бульба” и др. XX век также был ознаменован рядом вооруженных конфликтов между двумя государствами. Антипольские настроения

Антипольские настроения украинском обществе культивировала и советская пропаганда как в междувоенный, так и послевоенный период. Во времена независимой Украины произошло кардинальное изменение в польско-украинских взаимоотношениях. Польша остается надежным союзником Украины, ее своеобразным “адвокатом” в Евросоюзе и НАТО. Тем не менее старые

негативные стереотипы украинцев по отношению к полякам, так, кстати, и поляки по отношению к украинцам продолжают жить.

Согласно социологическим данным, отношение к современной Польше и полякам формируется путем перенесения политических убеждений опрошенных на Польшу как символ успеха в экономических реформах и символ антитезы России, Советскому Союзу. Характерно, что наиболее низкий уровень ксенофобии (в частности в отношении к полякам) зафиксирован в Западной Украине (Галичине), наиболее высокий – в Крыму, где доминируют российские культурные ценности [Павлишин 2002: 58].

Между этими полярными полюсами находится луганский регион, жители которого ни в прошлом, ни в настоящем не связаны непосредственными контактами с польским этносом, и отчасти поэтому их сознание отражает устойчивый стереотип поляка со знаком минус. Замечено также, что негативный образ поляка живуч в сознании украинцев старшего поколения, но анкетирование проводилось исключительно среди молодых людей, что подтверждает устойчивость упомянутого стереотипа.

Преодолеть негативные элементы стереотипа может помочь распространение знаний друг про друга, культурная открытость и диалог, прежде всего интеллектуалов. Но, к сожалению, этого сегодня недостает, и Польша практически отсутствует в культурном сознании большинства украинцев.

Негативный стереотип немца, с которым связано представление о фашизме, отражает бытовую ксенофобию, которая довольно распространена в украинском культурном пространстве.

Предвзятое, то есть не основанное на свежей, непосредственной оценке каждого явления, а выведенное из стандартных суждений и ожиданий мнение о свойствах людей и явлений психологи называют стереотипом.

Стереотипы – неотъемлемый элемент обыденного сознания. Ни один человек не в состоянии самостоятельно, творчески реагировать на все встречающиеся ему в жизни ситуации. Стереотип, аккумулирующий некий коллективный опыт и внушенный индивиду в процессе обучения и общения с другими, помогает ему ориентироваться в жизни и определенным образом направлять его поведение. Стереотип может быть истинным и ложным. Он может вызывать и положительные эмоции, и отрицательные. Его суть в том, что он выражает отношение, установку данной группы к определенному явлению.

И в национальной психологии существуют такого рода стереотипы, Каждая этническая группа обладает своим групповым самосознанием, которое фиксирует ее – действительные и воображаемые – специфические черты. Любая нация интуитивно ассоциируется с тем или иным образом. Уже в этом соотношении ценностей и национальных стереотипов виден определенный эмоциональный тон, проступает отношение к оцениваемым образам. В данном исследовании предпринята попытка увидеть национальные образы в аксиологическом семантическом пространстве через соотношение отношения к различным ценностям представителей различных национальностей.

На рис. 6 представлены результаты кластер – анализа, т.е. интегрального сходства национальных стереотипов в пространстве ценностей, иначе говоря, семантической близости стереотипов в аксиологическом сознании респондентов. Весь набор национальных стереотипов разбивается на группы наиболее тесно семантически связанных между собой. Как видно из дерева классификаций

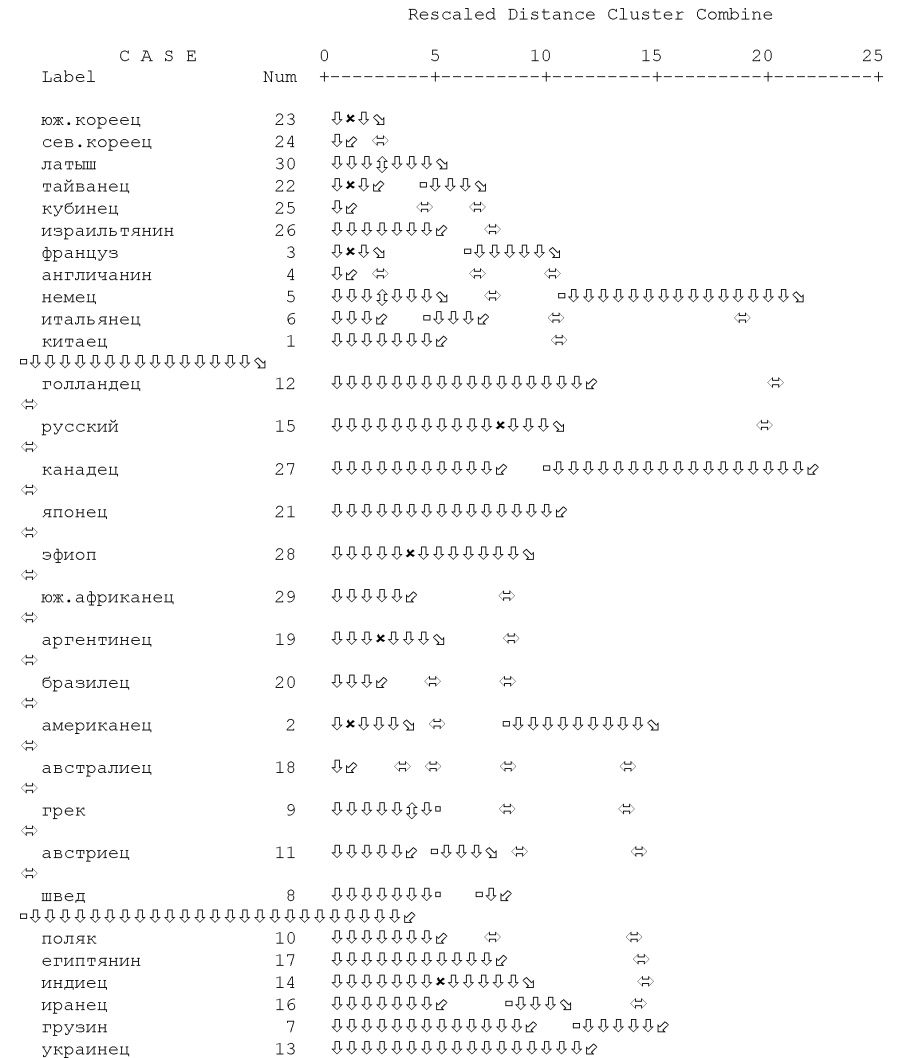

Рис. 6. Дерево кластеризации национальных стереотипов

некоторые группы стереотипов выглядят вполне логичны и даже банально, например, француз, англичанин, немец, итальянец, но эта группа европейцев объединяется правда на некотором расстоянии с китайцем. Голландец расположен несколько особняком, возможно из-за репутации, которую он приобрел в последние десятилетия. Русский, канадец, японец объединились, хотя и на достаточно большом расстоянии друг от друга. Что объединило корейцев, лагашей, тайванцев, кубинцев и чуть дальше израильянина понять трудно, но возможно это принадлежность к небольшой стране с противоречивой и сложной историей.

Следующая большая группа стереотипов содержит близко связанные пары, которые затем объединяются в более крупные группы. Так пара эфиоп и южноафриканец присоединяется к группе, состоящей из пар аргентинец, бразилец; американец, австралиец; грек, австриец; швед, поляк. Как видно, некоторые пары вполне логичны с любой точки зрения, а некоторые (швед, поляк) видимо отражают ментальность и историю украинцев. Последняя группа индеец, иранец, грузин и украинец связана отчасти с близостью культур и территорий (индеец, иранец), отчасти с некоторой неопределенностью настоящей и будущей судьбы. Весь этот процесс объединения определяется отношением данных национальных стереотипов к предложенным ценностям с точки зрения луганских респондентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – 314 с.
2. Миллер Д.А. Речь и язык // Экспериментальная психология. – М.: Инстр. лит-ра, 1963. – С. 348–378.
3. Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического материала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия. – М.: Изд. “Мир”, 1972. – 364 с.
4. Павлишин А. Перспективи порозуміння на польсько-українському кордоні // Незалежний культурологічний часопис “І”. – 2002. – № 2. – С. 51–59.
5. Петренко В.Ф., Нистратов А.А. Построение вербального семантического дифференциала на базе русской лексики // Исследование проблем речевого общения. – М., 1979. – С. 139–156.
6. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – М.: Изд. Московского университета, 1997. – 398 с.
7. Сержин В.П. Методы психосемантики. – М.: “Аспент пресс”, 2004. – 206 с.
8. Симмат В.Е. Семантический дифференциал как инструмент искусствovedческого анализа // Семиотика и искусствометрия. – М.: Изд. “Мир”, 1972. – 364 с.
9. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: “Издательство иностранной литературы”, 1960. – Вып. 1. – 462 с.

УДК 159.9(075.8)

ТЕКСТ ЭПОХИ ВЕБ 2.0: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Елена Горошко
(Харьков, Украина)

У статті здійснюється теоретичний аналіз робіт про сприйняття російськомовних веб-текстів, що з боку психолінгвістики є малоструктурованими об'єктами. Наукові праці в цій галузі практично відсутні. Тому об'єктом аналізу стали тексти другого веба, а предметом – особливості сприйняття людиною таких текстів у порівняльному ракурсі. У статті також описується сам феномен другого веба та його концептуальні відмінності від першого.